

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-6-21

УДК 339.9(045)

JEL F51

Модель стратегического противостояния США и России в XXI веке

Е.В. Балацкий

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова, Российская академия наук (ИМЭМО РАН), Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрена ситуация военно-стратегического противостояния США и России с наметившейся тенденцией к эскалации конфликта на Украине. Показано, что наблюдаемый парадокс, состоящий в утрате Западом страха перед «термонуклеарным армагеддоном», продуцируется феноменом двойственности положения России после 1991 г., когда властные элиты, с одной стороны, подпали под контроль Запада, а с другой — сохраняли способность «восстать» и восстановить политический суверенитет страны с опорой на ее военно-стратегический потенциал. Следствием этого стало еще одно уникальное явление — неопределенность «красных линий» во внешней политике России, когда они либо не озвучивались, либо постоянно отодвигались. В результате Запад «привык» к избыточной осторожности России и не «слышит» новых сигналов. Ситуация поддерживается и усугубляется отсутствием внешнеполитической гибкости США из-за их приверженности ментальной модели глобального доминирования, включающей четыре элемента: презумпцию богоизбранности американского государства, доктрину непримиримости, стратегию тотальности и синдром отказа от неприемлемых издержек. Эффект неделимости власти, описанный С. Льюксом, накладывается на указанную модель и усугубляет нечувствительность американского истеблишмента к эскалации напряженности на Украине. В работе показано, что в своей тактике администрация США использует два интеллектуальных «завещания» Джона Даллеса: доктрину «балансирования на грани» и доктрину «сносной цены». Так как Россия не создала никакого ощутимого ущерба для Америки, то ей не имеет смысла отказываться от «завещания» Даллеса и поддержания режима эскалации. Автор обосновано, что для изменения ситуации необходимо осуществить действия по обеспечению неприемлемого ущерба для США в возникшем противостоянии; обсуждаются конкретные меры по «удорожанию» американской гегемонии, что позволит отойти от односторонних ударов по России и создать более благоприятный фон для конструктивных переговоров.

Ключевые слова: геополитика; конфликт; ядерное сдерживание; экономические санкции; ущерб

Для цитирования: Балацкий Е.В. Модель стратегического противостояния США и России в XXI веке. *Мир новой экономики*. 2025;19(2):6-21. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-6-21

ORIGINAL PAPER

The Model of Strategic Confrontation Between the USA and Russia in the 21st Century

E.V. Balatsky

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article examines the military-strategic confrontation between the USA and Russia, with a growing tendency toward conflict escalation in Ukraine. It is demonstrated that the observed paradox — the West's diminishing fear of a “thermonuclear Armageddon” — is driven by the duality of Russia's position after 1991. On the one hand, Russian elites fell under Western influence, yet on the other, they retained the potential to “rise” and restore the country's political sovereignty, leveraging its military-strategic capabilities. As a result, another unique phenomenon emerged: the ambiguity of Russia's “red lines” in foreign policy, as they were either left undefined or continuously shifted. This led to the West becoming accustomed to Russia's excessive caution and failing to “hear” its new signals. The situation is further reinforced and exacerbated by

© Балацкий Е.В., 2025

the United States' lack of foreign policy flexibility due to its adherence to a mental model of global dominance, which comprises four key elements: the presumption of America's divine exceptionalism, the doctrine of irreconcilability, the strategy of totality, and the refusal-to-accept-unacceptable-costs syndrome. The effect of power indivisibility, as described by S. Lukes, compounds this model and heightens the insensitivity of the American establishment to the escalation of tensions in Ukraine. The study highlights that the U.S. administration employs two intellectual "legacies" of John Foster Dulles in its strategy: the doctrine of "brinkmanship" and the doctrine of "bearable cost." Since Russia has not inflicted any tangible damage on the United States, there is no incentive for the latter to abandon Dulles' legacy or to de-escalate the confrontation. The author argues that to change the situation, it is necessary to ensure unacceptable costs for the U.S. in this confrontation. Specific measures to increase the "cost" of American hegemony are discussed, which could shift the focus from unilateral pressure on Russia toward a more favorable environment for constructive negotiations.

Keywords: geopolitics; conflict; nuclear deterrence; economic sanctions; damage

For citation: Balatsky E.V. The model of strategic confrontation between the USA and Russia in the 21st century. *The World of the New Economy*. 2025;19(2):6-21. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-6-21

ВВЕДЕНИЕ: ПАРАДОКСЫ СОВРЕМЕННОСТИ

В ходе специальной военной операции (СВО) на Украине противостояние России и Запада постоянно обострялось путем так называемого повышения ставок. Запад в лице европейских держав под руководством США готов отправлять на Украину контингенты своих вооруженных сил, расширяется помощь оружием. Уже при участии НАТО осуществлены удары по российской территории ракетами дальнего действия АТАСМС с летальными исходами для жителей¹. Не удивительно, что в России, равно как и в других странах, все активнее звучит тема применения тактического ядерного оружия. Более того, этот вопрос открыто обсуждался С. Карагановым и В. Путиным в пленарной программе на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ) в 2024 г.², после чего была принята новая ядерная доктрина России. Данная проблематика выплеснулась и на страницы академических изданий [1].

Складывается ощущение, что политический истеблишмент стран — участниц конфликта принял факт возможного прямого ядерного столкновения и готов идти до конца³. Все это выводит на первый план ряд важных вопросов. Первый: почему у руководства стран Запада пропал страх перед Россией, обладающей ядерным арсеналом, достаточным для уничтожения всей планеты? Второй: каковы фундаментальные причины эскалации военного

напряжения между Россией и странами западного альянса? Третий: каков глубинный смысл в эскалации с учетом всех рисков? И, наконец, четвертый: какой линии поведения целесообразно придерживаться руководству России в создавшихся условиях?

В основе первых трех вопросов содержится своеобразный парадокс. Например, зачем приходить в прямое военное соприкосновение с государством, которое способно уничтожить всю планету и, следовательно, его заведомо невозможно победить? Здесь внешне ситуация выглядит как утрата Западом инстинкта самосохранения, что противоречит всем его традициям и установкам. Второй вопрос базируется на парадоксальном сочетании политической покладистости России и ее впечатляющего военного потенциала: бесконечные обещания руководства страны об адекватном или зеркальном ответе на агрессивные выпады Запада почти никак не подкрепляются реальными действиями. Третий вопрос также связан с отсутствием логичного сочетания крайне опасных действий западных стран по эскалации конфликта с видимым отсутствием у них экзистенциальных причин для такого риска. Все перечисленные парадоксы нуждаются в системном объяснении с опорой на экономическую логику и политические теории, чем и обусловлена актуальность поднимаемой темы.

Указанные вопросы и геополитические парадоксы продуцируют когнитивную интригу, состоящую в возможности построения логичной модели возможного столкновения с опорой на максимально широкие методологические принципы. В связи с этим целью статьи являются исчерпывающие ответы на четыре поставленных вопроса с акцентом на пересмотр принципов противостояния России коллективному Западу (чего пока по разным причинам не происходит). Методологической основой формулируемых ответов выступают предложенная

¹ URL: <https://www.vesti.ru/article/4023290>

² URL: <https://ya.ru/video/preview/2507429726905085321>

³ Приход к власти в США в 2025 г. Дональда Трампа несколько изменил геополитическую конфигурацию, однако большинство заявлений американского президента пока не получают системной реализации, что не позволяет говорить об окончательном переломе во внешнеполитических отношениях России и США.

ранее ментальная модель глобального доминирования США [2] и принцип неделимости власти С. Льюкса [3]. Новизна авторского подхода состоит в сопряжении геополитических фактов, ментальных установок участников конфликта и экономической логики с выявлением результирующего вектора.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ США И РОССИИ: ИСТОКИ И НЫНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Для раскрытия первого парадокса, связанного с возникновением иммунитета Запада и Соединенных Штатов против державы с ядерным потенциалом, необходимо совершить небольшой экскурс в историю. Речь идет о том, что до 1991 г. мировоззрение политического истеблишмента США, равно как и всего мира, включало отрицание прямой конфронтации со страной, имеющей термоядерное оружие. Однако поражение СССР в холодной войне с его последующим распадом на 15 псевдонезависимых государств полностью поменяло геополитическую диспозицию. После этого преемницей ядерного оружия СССР стала только Россия; остальные страны не являлись для США стратегической угрозой. Утратив 30% территории Советского Союза и больше половины его населения, Российская Федерация по-прежнему оставалась слишком крупной, бросаая своими размерами вызов США. В связи с этим она представляла потенциальную угрозу для американской гегемонии и, по мнению властей, ее надо было и дальше ослаблять, желательно путем разделения на несколько частей с их последующей полной демилитаризацией. Эта задача была вполне реалистичной в силу того, что наша страна после 1991 г. утратила свой политический суверенитет и де-факто, если не полностью, то в значительной мере, управлялась извне — из США (в 2022 г. начался процесс активного восстановления суверенитета России, который пока не завершился). Последнее обстоятельство до сих пор фигурирует в качестве полуфакта: с одной стороны, оно уже не отрицается, с другой — до конца не признается. И именно такое положение дел нуждается в обсуждении.

По сути, после 1991 г. возникла совершенно беспрецедентная ситуация, какой еще никогда не было в истории человечества. Обычно любая страна, потерпевшая поражение в войне, надолго лишалась политического суверенитета: на нее, как правило, накладывались не только контрибуции, но и различные политические и экономические ограничения. Так, Германии и Японии, попавшим под патронаж страны-победительницы (США), было запрещено

иметь ядерное оружие, а также развивать некоторые стратегически значимые отрасли экономики. При этом Германию разделили на две части, и они обе оказались под протекторатом: Западная — США, а Восточная — СССР (после объединения вся страна остается под влиянием США). С этого момента Германия и Япония стали плацдармом для своих суверенов, осуществлявших почти полный контроль над их политикой и экономикой. Примерно та же судьба постигла и Россию после 1991 г.: ее экономика была искусственно разрушена, почти все наукоемкие отрасли хозяйства ликвидированы, а спецслужбы и Вооруженные силы деморализованы. Такое положение страны, потерпевшей поражение в «третьей мировой» (холодной) войне, порождало ощущение ее слабости и безопасности.

Однако специфика состояла в том, что зависимым считалось государство с невообразимым по историческим меркам военно-стратегическим потенциалом. Более того, так как проигранная Советским Союзом холодная война завершилась без прямого столкновения, то его военный арсенал был в нетронутом и работоспособном состоянии и находился под контролем высших должностных лиц, многие из которых не желали окончательно капитулировать перед противником. Это обстоятельство и предопределило *двойственность положения* России после 1991 г.: с одной стороны — контролируемая Западом властная элита, а с другой — размытость этой элиты, ее возможность трансформироваться и в любой момент восстановить политический суверенитет государства с последующим использованием своей военной мощи во внешней политике. Причем напрямую подавить переворот элит в России ни США, ни кто-либо другой не могли — из-за угрозы развязывания ядерного конфликта. Примерным аналогом является ситуация с Германией после Первой мировой войны, которой было запрещено неконтролируемо увеличивать свою армию, проводить военные учения и осуществлять милитаризацию экономики. Несмотря на это, опираясь на свою развитую промышленность и пришедшую к власти нацистскую элиту, страна снова стала военно-стратегическим лидером мира и осуществила очередную военную экспансию.

Задним числом можно утверждать, что феномен двойственного положения России после распада СССР с самого начала таил в себе предпосылки нынешнего хода событий, которые рано или поздно должны были произойти. Более того, уже в 1990-х гг.

Е. М. Примаков на посту министра иностранных дел пытался донести до Запада мысль о том, что Россия — великая держава, которая испытывает временные трудности [4]. Уже тогда просматривались первые симптомы возможного изменения ситуации в плане восстановления политического суверенитета страны. Однако это не отменяет того факта, что российские власти на протяжении десятилетий демонстрировали крайне низкую активность в международных и внутренних делах. Кроме того, плачевное положение дел в армии и экономическая ситуация в РФ не давали оснований для ожидания жесткого ответа на ущемление ее внешнеполитических интересов. Конфликт 2014 г., закончившийся присоединением Крыма, был первым серьезным демаршем со стороны России на избыточную активность США и НАТО на территории бывшего СССР, однако это событие само по себе мало о чем говорило. Военно-стратегическая вялость руководства в предыдущие годы и уязвимость экономики по многим направлениям не давали оснований думать, что существует возможность получить отпор от государства, постепенно превратившегося в сырьевой придаток развитого мира.

Таким образом, американский истеблишмент имел все основания не верить в готовность России жестко ответить на его экспансионистские действия. Что касается РФ, то для нее события 2014 г. стали своеобразным финальным вызовом, на который она не могла не отреагировать. Если бы состоялся планировавшийся вывод российской военной базы в Севастополе с последующим размещением на полуострове базы США или НАТО, это фактически означало бы окончательную капитуляцию России, ибо в таком случае наличие у нее вооруженных сил и ядерного оружия становилось бессмысленным по причине их неприменения даже в столь опасной ситуации. Последующие 8 лет, связанные с реализацией Минских соглашений, также демонстрировали бесконечные уступки со стороны Российской Федерации и ее неспособность к жестким действиям.

Все это лишний раз убеждало администрацию США в слабости российских властей. Решительные действия РФ в 2022 г. ничего не изменили: чрезвычайно гуманное проведение боевых операций, бесконечные заявления о неизбежности ответных ударов на провокации украинской стороны без их фактического подкрепления, проявление готовности к мирным переговорам и т.п. только доказывали американским стратегам правильность их выводов. Даже применение нашей страной

в 2024 г. гиперзвуковой ракеты «Орешник» в ответ на атаки ее территории ракетами АТАСМС носило двусмысленный характер: заранее было объявлено о времени и месте нанесения удара, а его сомнительные результаты не произвели на американскую администрацию должного эффекта. В то же время ущерб, нанесенный России за годы ведения СВО, огромен — в этом отношении США уверенно переиграли противника без какого-либо урона для себя, не считая затрат на финансирование военной помощи Украине. Перенеся военную операцию на нейтральную территорию, а частично и на российские земли, американцы вели себя строго в соответствии со своими политическими традициями непрямых действий [5].

Феномен двойственности положения РФ после 1991 г. и ее тотальная геополитическая слабость (включая военную, политическую, экономическую и идеологическую сферы), проявляющиеся на протяжении более чем 30 лет после распада СССР, породили еще одно уникальное явление — *неопределенность «красных линий»*. Внешняя политика всех государств строится по данному принципу, согласно которому существуют пределы терпимости национальных властей в отношении нарушения их интересов другими странами, а переход за эти линии чреват открытой силовой конфронтацией. Однако на протяжении всех предыдущих лет «красные линии» российскими властями либо не обозначались, либо озвучивались нечетко и неясно, в связи с чем возникала возможность вольных интерпретаций. Более того, подобная неопределенность привела к тому, что политический истеблишмент США во многих случаях сам определял эти «красные линии», а потом нарушал их и ликовал ввиду отсутствия серьезных последствий. Однако ситуация меняется — одно из последних заявлений С. Лаврова раскрывает диалектику внешнеполитических отношений: Запад следует ошибочной логике, согласно которой у России «красные линии» есть, но они снова сдвигаются⁴. Таким образом, наблюдается отсутствие или нежелание со стороны американских властей понимать замыслы и намерения нашей страны.

Подводя итоги, можно констатировать: беспрецедентная в мировой истории ситуация поражения ядерной державы в гибридной войне с ее последующим катастрофическим экономическим ослаблением заставила администрацию США пере-

⁴ URL: <https://tass.ru/politika/22591299?ysclid=m4cx8zy494898208377>

смотреть ситуацию в отношении готовности России защищать свои стратегические интересы. Именно геополитическая слабость РФ спровоцировала парадокс утраты страха перед ядерной державой.

Констатация вышеназванного факта не предполагает оценочных суждений: было бы нелепо возлагать вину на Россию — ее слабость явилась историческим фактом и стала трагедией для ее народов. За 30 лет существования страна из супердержавы трансформировалась в полупериферию мировой системы с тенденцией к превращению в периферию. Не стоило рассчитывать, что в этот период все будет гладко, а властные элиты быстро отреагируют на вставшие перед ними экзистенциальные вызовы, — требовалось время, а когда оно настало, это явилось откровением для американского истеблишмента, который до сих не отказался от стереотипов 1990-х гг. Напомним тезис Вудро Вильсона времен Первой мировой войны: «Нам предстоит серьезно финансировать мир, а дающий деньги должен *понимать* мир и *руководить* им»⁵. Сегодня США по-прежнему хотят руководить миром, и им надо понимать его, но, по-видимому, прецеденты XXI в. и радикально изменившаяся геополитическая ситуация пока не укладываются в мировоззрение их политической элиты.

В настоящее время Россия приняла новую ядерную доктрину и постепенно входит в режим более реалистичного диалога с противником [1]. Однако многие вопросы так и остаются открытыми.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ США: МОДЕЛЬ ГЛОБАЛЬНОЙ ГЕГЕМОНИИ

Теперь попытаемся выяснить, каковы фундаментальные причины эскалации военного напряжения между Россией и странами западного альянса. Почему США вцепились в Россию мертвой хваткой, в то время как их главный стратегический соперник — Китай — продолжает усиливать свои позиции на фоне деструктивной эскалации? Есть ли у Америки экзистенциальные причины для подобной кампании?

Ответ на поставленные вопросы дает ментальная модель глобального доминирования США в умах представителей американского истеблишмента.

Суть его сводится к четырем положениям [2]. Первое — *презумпция* (мифологема) богоизбранности американского государства и нации, постулирующая их исключительность, правоту, непогрешимость и вседозволенность. Второе — доктрина непримиримости, подразумевающая политическую бескомпромиссность касательно поддержания культурной гомогенности и зачистки всех неугодных социальных элементов. Третье — *стратагема тотальности*, предполагающая ведение войны против стратегического соперника любыми доступными способами на основе практики двойных стандартов. Четвертое — синдром отказа от неприемлемых издержек, согласно которому все людские и финансовые потери должны быть строго оправданными, а все специальные операции — сверхрентабельными. Указанные положения формировались постепенно и подкреплялись фактами из истории американского государства — в книге «Америка против всех. Геополитика, государственность и глобальная роль США: история и современность»⁶ приводятся примеры практического проецирования четырех положений модели гегемонии США к конкретным обстоятельствам.

Несмотря на явную искусственность перечисленных положений, они имеют непреходящее значение как для американских политиков, так и для простого населения, консолидируя нацию и служа источником ее гордости и силы. Главное же в модели гегемонии заключается в практической контрпродуктивности любых дипломатических переговоров США со своими контрагентами. Для американского истеблишмента любые обсуждения и споры с оппонентами бессмысленны, ибо изначально ясно, что они не правы; кроме того, глупо тратить ресурсы на разговоры, когда все можно решить силой или деньгами. Единственный аргумент, который может быть принят во внимание, — издержки от принимаемого решения: только когда они становятся откровенно неприемлемыми, политики готовы отказаться от намеченного решения.

История США изобилует примерами, когда власти страны обостряли ситуацию и шли на силовой конфликт, но это всегда делалось в условиях изначального и абсолютно явного перевеса в их пользу. Типичным примером может служить одна из самых драматичных страниц истории страны — Гражданская война Севера и Юга. Северяне развязали эту войну в условиях своего полного

⁵ Америка против всех. Геополитика, государственность и глобальная роль США: история и современность. М.: ООО «Содружество культур»; 2023. 588 с.

⁶ Там же.

превосходства: 22 млн против 5,5 млн белых южан, т.е. соотношение 4:1; Север мобилизовал 2,1 млн солдат против 880 тыс. южан; на каждую винтовку, произведенную на Юге, приходилось 32 с Севера [6, с. 319]. При таком раскладе сил победа Севера была предопределена, что позволило ему включить три первых положения модели гегемонии, требующих безоговорочного подавления противника.

Алгоритм принятия решения о начале или продолжении конфликта представлен на *рисунке*. Таким образом, все зависит от величины предполагаемого ущерба, причем само вхождение в конфликт проис-

ходит на базе модели гегемонии со всеми вытекающими для противника последствиями. Проверка на соответствие критерию ущерба осуществляется постоянно, в связи с чем изначальное решение может корректироваться. Например, в ходе войн в Корее, Вьетнаме и Афганистане на определенном этапе была диагностирована ситуация неприемлемого ущерба, что и привело к отказу Соединенных Штатов от дальнейшего участия в этих кампаниях.

Однако представляется, что логика, показанная на *рисунке*, является универсальной, и в соответствии с ней действуют практически все страны, но это

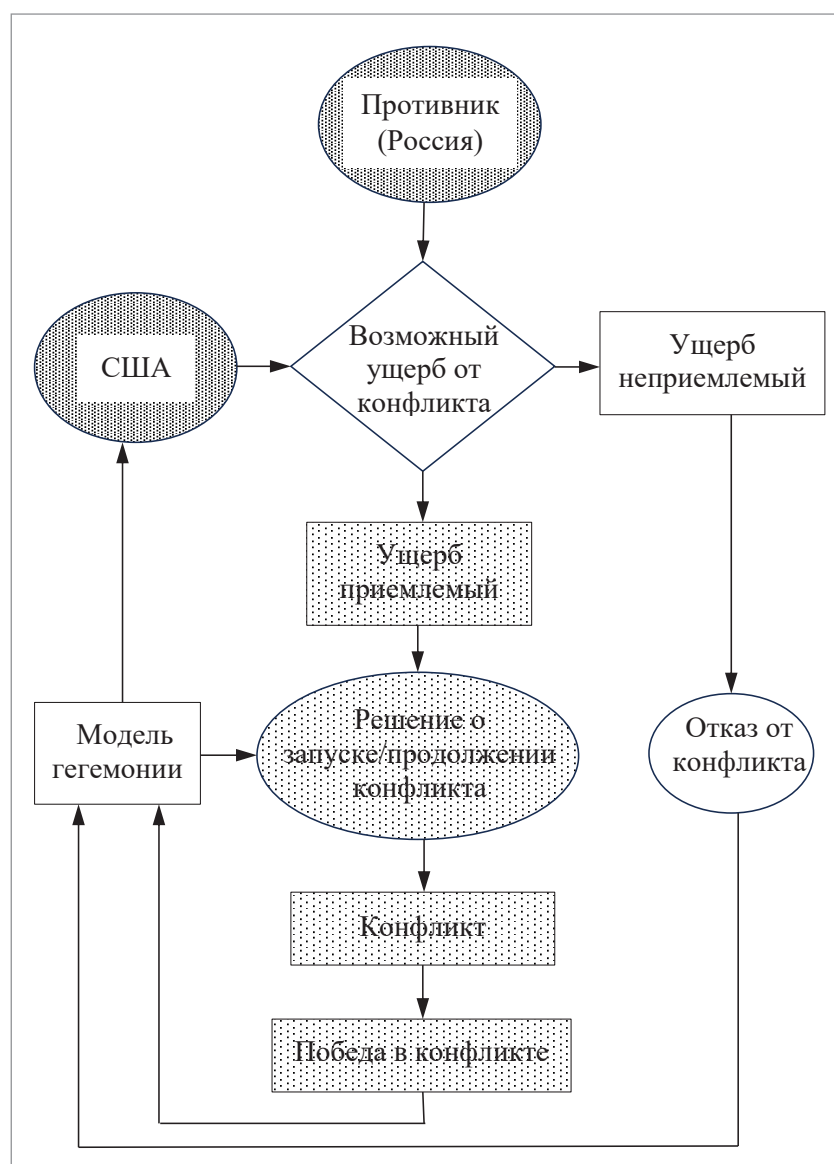

Рис. / Fig. Алгоритм принятия политических решений в США /
Algorithm of Political Decision Making in the USA

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

не так. В одной из работ автора статьи [7] подчеркивалась разница в исторических моделях принятия решений для России и США: если у нас политические власти часто действуют по принципу «любой ценой», то у американцев низкий «болевого порог» издержек продуцирует принцип «малой кровью». Отказ от неприемлемого ущерба — традиция США, освященная 250-летней историей, — соответственно, пренебрегать ею не принято.

Модель гегемонии Америки и алгоритм принятия политических решений в стране (см. рисунок) полностью объясняют феномен нечувствительности ее политического истеблишмента к аргументам России в ходе конфликта на Украине. Это будет продолжаться до тех пор, пока Штаты не диагностируют возможный неприемлемый ущерб для себя от продолжения конфликта. При этом никакие удары (вплоть до ядерной бомбардировки) по территории Украины не повысят чувствительность представителей американского политического класса, ибо непосредственно их это не затрагивает — в чем и состоит парадокс патовой ситуации противостояния России и США.

К сказанному следует добавить, что, как для России, так и для США, ситуация на Украине носит экзистенциальный характер. Если для нас поражение чревато крушением самой государственности, то для Америки оно связано с утратой мировой гегемонии, а это влечет за собой разрушение всей модели предыдущего существования страны. Крах гегемонии США будет означать прекращение их монополии на всех политических и экономических рынках, что, в свою очередь, означает падение нормы прибыли в каждой сфере экономики (со всеми вытекающими отсюда последствиями), а также превращение страны в обычного участника мирохозяйственной системы — без экономических привилегий и политических бонусов. Но тогда это будет другая Америка: в этой ситуации американский политический класс наталкивается на феномен *неделимости власти*, суть которого состоит в том, что любая власть поддерживается соответствующей структурой, и ее нельзя перераспределить, а можно только разрушить и построить заново [3]. Любая уступка власти со стороны Соединенных Штатов потребует полного демонтажа имеющейся архитектуры глобальных властных сетей, что чревато полной потерей позиций страны. Данное обстоятельство не добавляет чуткости американскому истеблишменту к аргументам России. В итоге — каждый идет до конца.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ТАКТИКА США: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ДЖОНА ДАЛЛЕСА

Теперь рассмотрим подробнее вопрос о том, каков глубинный смысл в нарастающей эскалации, кому и в чем от нее польза. Для этого надо отталкиваться от того, что эскалация — это американская тактика давления на противника, берущая корни в политических воззрениях Дж. Ф. Даллеса.

В американской политике и дипломатии фигура Джона Фостера Даллеса имеет особое значение. Это связано с несколькими обстоятельствами, среди которых немаловажное значение имеет укорененность семейства Даллесов в политическом истеблишменте США. Достаточно напомнить, что дед Даллеса Джон Фостер был госсекретарем при президенте Бенджамине Гаррисоне, его дядя Роберт Лансинг — госсекретарем при Вудро Вильсоне, сам Джон Даллес — госсекретарем при Дуайте Эйзенхауэре, а его младший брат Аллен Даллес работал на поприще дипломатии и разведки, возглавляя в 1953–1961 гг. Центральное разведывательное управление (ЦРУ). Другое обстоятельство той роли, которую Дж. Даллес играет в американской политике, связано с его двумя своеобразными интеллектуальными «завещаниями».

Первое из них получило название *доктрины «балансирования на грани»* — Даллес считается одним из ее авторов. Согласно ей, в международных переговорах следует максимально близко подходить к нежелательной для обеих сторон и, как правило, катастрофической развязке, в расчете на то, что в последний момент противник в целях самосохранения уступит и в итоге удастся получить двойной выигрыш: избежать катастрофы и обрести односторонние преимущества. В дипломатии катастрофической развязкой обычно является война, что породило в русском языке устойчивое словосочетание «балансирование на грани войны» для обозначения политики, направленной на нагнетание военной угрозы. В настоящий момент политика США в отношении Украины в чистом виде воспроизводит доктрину «балансирования на грани», когда ставки растут вплоть до применения термоядерного оружия массового поражения. Иными словами, первое политическое завещание Джона Даллеса не забыто и проявляется в полной мере.

Второе завещание можно назвать *доктриной «сносной цены»*, суть которой в полной мере выражена следующим его тезисом: «Мы хотим для себя и других свободных наций максимальных средств

устрашения по *сносной цене*⁷. Данная установка требует, чтобы все политические кампании США вели к их гегемонии и доминированию, но не ценой чрезмерных потерь. Это, в свою очередь, означает, что США готовы на политические уступки, но только тогда, когда альтернативная позиция сопряжена для них с неприемлемым ущербом в любой форме. История страны изобилует такого рода уступками: отказ от дальнейшей войны в Корее, несмотря на установление на северной части полуострова коммунистического режима; завершение войны во Вьетнаме, невзирая на победу в стране коммунистического строя; уход из Афганистана, вопреки приходу к власти движения талибан⁸, и т.п. Нет сомнений, что власти США готовы выйти из противостояния на Украине, если ущерб от ее продолжения станет неприемлемо большим. Но (и это принципиально!) не раньше этого момента; в противном случае разыгрывание «украинской партии» будет продолжаться.

Несложно заметить, что второе завещание Даллеса представляет собой ни что иное, как четвертый элемент модели американского доминирования — принцип отказа от неприемлемого ущерба. Таким образом, доктрина «сносной цены» Даллеса является политическим римейком принципа отказа от неприемлемого ущерба и продолжает работать на Украине в полную силу.

История показывает, что оба завещания Даллеса являются руководящими принципами во всех делах внешней политики США, и именно наличие пары амбивалентных принципов придает всем действиям американского истеблишмента необходимую сбалансированность между агрессией и миролюбием. Пока нет видимых причин полагать, что политические власти США откажутся от своих принципов внешней политики без серьезных на то оснований. Это становится особенно очевидно, если учесть, что на кону стоит победа над Россией, которая может позволить США перезапустить цикл их глобальной гегемонии.

МОДЕЛЬ ГЛОБАЛЬНОЙ ГЕГЕМОНИИ: БИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Помимо рассмотренных экономических и геополитических оснований модели гегемонии США

и вытекающей из нее логики поведения, существует еще и эмоциональный аспект, который нельзя сбрасывать со счетов. Дело в том, что логика противостояния имеет глубинные эволюционные (биологические) основания, для уяснения которых рассмотрим несколько фактов из мирмекологии.

Один из фундаментальных законов социобиологии и военной стратегии муравьев гласит: чем более место проживания популяции пригодно для жизни и обороны и чем лучше оно оснащено ценными ресурсами, тем интенсивнее и яростнее его защищают [8, с. 66]. Далее будем называть этот закон Принципом 1: чем богаче экологическая ниша, тем ожесточеннее ее защита. Другой важный факт состоит в следующем: оплодотворенные матки подвергаются постоянному риску быть убитыми муравьями другой семьи, в связи с чем они объединяются в группу по 10–15 особей для совместной защиты; когда же муравьи их приплода взрослеют, то они безжалостно уничтожают лишних самок одну за другой, растягивая их за ноги и жала до смерти, пока не останется только одна из них — самая плодовитая [8, с. 73]. Отсюда вытекают еще два принципа биологической эволюции: Принцип 2: избыточная конкуренция недопустима и умышленно уничтожается вплоть до установления монополии и Принцип 3: материнская структура уничтожается собственными детьми, если она уступает другой — более эффективной. Сформулированные принципы могут быть спроецированы на геополитическую систему — в этом случае получается следующая картина.

Принцип 1: страна, получившая статус гегемона с его высоким уровнем благосостояния населения и огромными геополитическими преимуществами для крупного национального бизнеса, просто обязана агрессивно и бескомпромиссно поддерживать свои позиции. Именно это и делает политический истеблишмент США, используя все имеющиеся у него средства для сохранения своего статус-кво. Принцип 2: страны, создающие лишнюю и весьма опасную конкуренцию для государства-гегемона, должны быть ликвидированы вместе с исходящей от них опасностью. Именно к этому и стремятся Соединенные Штаты, чиня всяческие препятствия для нормального существования и развития России и повышая ставки на Украине. Принцип 3: в странах, проигрывающих глобальную конкуренцию государству-гегемону, собственные элиты и население зачастую способствуют их крушению в пользу последнего [9]. Именно с этой проблемой столкну-

⁷ Америка против всех. Геополитика, государственность и глобальная роль США: история и современность. М.: ООО «Содружество культур»; 2023. 588 с.

⁸ Религиозно-политическая организация, запрещенная в России.

лась Россия в начале СВО, когда у нас обозначился широкий слой политической оппозиции и «пятая колонна» — как в бизнес-элите, так среди политиков, простого населения, научного сообщества и работников культуры.

Все сказанное свидетельствует о том, что, помимо логики объективных событий, существует эффект глубинных архетипов поведения людей в той или иной ситуации. Таким образом, внешне-политическая стратегия и тактика США получают свое подкрепление на уровне психологии их политического истеблишмента. Вместе с тем нехватка единства внутри российских элит и населения также во многом предопределена эволюционными поведенческими установками лиц разных социальных групп. Разумеется, в человеческих сообществах исходные биологические модели поведения значительно ослаблены, однако они все-таки продолжают существовать, создают психологический фон и формируют определенное давление на лиц, принимающих решения. В целом же, природные поведенческие интенции выступают подтверждением сложившихся стереотипов модели доминирования США и провоцируют их острое противостояние с Россией. Невидимые глубинные биовыживательные инстинкты закрепляют асимметрию в поведении политических классов Америки и России: в первой — агрессивную, бескомпромиссную и во многом безответственную модель противостояния, во второй — излишне осторожную, осмотрительную и чрезмерно ответственную. Это обстоятельство может не осознаваться даже теми, кто принимает решения, однако оно регулярно подстегивает их к вполне определенной линии поведения.

СДЕРЖКИ И ПРОТИВОВЕСЫ: ВЛАСТЬ ПЛУТОКРАТИИ

Хотя в настоящее время на Украине сложилась патовая политическая ситуация с постепенным ростом ставок, было бы неверно думать, что она «застывшая» и «несдвигаемая». Среди американского истеблишмента есть силы, которые учитывают баланс интересов, по крайней мере, внутри страны.

Для понимания их отношения к возможному ядерному конфликту, даже за пределами американского континента, полезно вспомнить, что сама форма правления в США является *плутократией*, т.е. властью богачей или, иными словами, экономической элиты. В отличие от стран с милитократической (военной), теократической (идеологической) и бюрократической (административной) формами

правления, плутократия ставит на первое место интересы и предпочтения корпоративных магнатов. Как отмечается, после Гражданской войны в Соединенных Штатах окончательно установилась плутократия, ставшая частью «культурного геноципа» нации [6, с. 184].

Коль скоро в США именно плутократы оказывают решающее влияние на политику, то правомерно задаться вопросом: выгодно ли им развязывать ядерную войну? Здесь отдельного обсуждения заслуживают два вопроса — о тотальном и ограниченном ядерном конфликте.

Чтобы на них ответить, следует оттолкнуться от непреложной экономической аксиомы: главный мотив владельцев богатств состоит в их сохранении и приумножении [6, с. 170]. Уничтожение ненавистных стран и народов сюда, строго говоря, не входит. Тотальный ядерный конфликт США и России, влекущий гибель планеты, не несет никакой выгоды для американской плутократии, как и развязывание ограниченной войны в Европе. Например, сегодня Штаты поставляют в Европу, и в первую очередь в Германию, свои энергоносители по ценам в 2–3 раза выше рыночных. Это означает, что норма прибыли от таких операций — минимум 300–500% годовых [10, р. 73]. Подрыв же целостности экономики Германии в результате локального ядерного конфликта приведет к отказу от американского сжиженного газа и лишит плутократов США нынешних сверхприбылей. Такая цена «усмирения» России выглядит чрезмерной, а не сносной, которую «завещал» Джон Даллес.

Приведенный пассаж отнюдь не исчерпывает политическую логику плутократии — есть еще и исторические аналогии. Например, вся история недвусмысленно свидетельствует о существовании следующей закономерности: проигранные внешние войны ведут к революциям и грандиозным гражданским войнам [6, с. 297]. Чем глубже и жестче будет поражение США в прокси-войне на Украине, тем больший социальный протест и хаос это породит внутри страны, а применение ядерного оружия повышает риски такого исхода — и это все на фоне социального кризиса внутри Америки, когда происходит обнищание значительных слоев населения, а внутри класса плутократии активизируется противостояние элит и контрэлит. Для такой ситуации характерно правило, сформулированное Петром Турчиным: «Ничто не воздействует на коллективный разум правящего класса лучше двойной экзистенциальной угрозы — когда проявляет недовольство

подвластное население и когда насаждают геополитические соперники» [6, с. 295]. Действительно, ошибка в такой ситуации чревата тяжкими последствиями, прежде всего, для самих элит. Скорее всего, нынешние обстоятельства должны привести к разумному консенсусу в отношении противостояния на Украине.

Приход к власти в США в 2025 г. Дональда Трампа, очевидно, станет способствовать долгосрочному поиску условий сделки по Украине. Это отнюдь не означает, что политика его администрации в части стратегии и тактики будет отличаться от той, что была при Дж. Байдене, однако ее большая нацеленность на прибыль и сокращение издержек позволит расширить диапазон возможных решений. Давления и «балансирование на грани» со стороны США продолжится, но в результате может сформироваться окончательная «цена сделки», что и позволит сдвинуться с мертвой точки.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Проведенный анализ показал крайне несимметричную геополитическую диспозицию в столкновении США и России. Фактически, пока Америка наносит очень чувствительные удары по России, не неся никакого ущерба от этого противостояния. В нашей стране идут боевые действия — включая новые и старые территории. Экономика приграничных регионов сильно просела и, судя по всему, будет слабеть и дальше. Международные санкции привели к колоссальным торговым и производственным проблемам, многие из которых возможно устранить лишь в отдаленной перспективе. Финансовые и людские потери России пока неизвестны, но, без сомнения, значительны. И все это на фоне нулевого урона для США: их поставки оружия на Украину носят скорее характер утилизации, нежели ослабления военного потенциала, а финансовая помощь, с учетом валютной гегемонии Америки путем печатания доллара, также не является чрезмерно обременительной. Таким образом, наша страна пока проигрывает геополитическое противостояние с Америкой, так как несет гораздо более тяжкое бремя издержек (материальных, людских и финансовых), но самое главное — США не чувствуют значительного дискомфорта от продолжающегося столкновения. Если мы стремимся победить в этой войне и не довести ситуацию до полномасштабного ядерного конфликта, то следует менять тактику противостояния.

Приход к власти Трампа означает очередной перевес плутократии в международных делах США,

но этого отнюдь не достаточно для ликвидации проблемы на Украине. Трамп, как представитель плутократии, должен ясно видеть, какие неприемлемые убытки влечет за собой продолжение ведения кампании против России, а желательно — и выгоду от завершения активной фазы противостояния. И здесь мы сталкиваемся с необходимостью соответствующих инициатив со стороны России.

В связи с этим правомерно задаться четвертым вопросом, поставленным в начале статьи: а что должна делать Россия в складывающихся обстоятельствах?

Как было отмечено выше, ей целесообразно проводить амбивалентную политику в том, что касается нагнетания неприемлемого для США ущерба и создания для них возможных выгод. Здесь мы входим в зону крайне сомнительных гипотез и предложений, поэтому в самых общих чертах коснемся возможных решений со стороны России, осознавая их дискуссионность.

Для того чтобы показать серьезность своих намерений, нашей стране рано или поздно придется пойти на непопулярные меры: тут могут иметь место разные направления действий.

1. *Частичное разрушение мировой инфраструктуры.* Например, в 2023 г. из-за непреднамеренных действий китайского судна «Newnew Polar Bear» в Балтийском море между Финляндией и Эстонией был поврежден газопровод «Balticconnector»⁹. В 2024 г. было зафиксировано повреждение подводного кабеля связи C-Lion1 между Финляндией и ФРГ¹⁰. Неудивительно, что Вашингтон полагает, что Москва может с высокой вероятностью проводить потенциальные диверсионные операции, направленные на вывод из строя критически важной части мировой инфраструктуры связи, однако пока этот путь Россия для себя исключала. По-видимому, наступает время, когда подобные операции должны стать не просто неотъемлемым элементом российской политики по проведению СВО, но и получить должный размах и масштаб, чтобы США и Европейские страны смогли ощутить ущерб, который сопряжен с противостоянием на Украине.

2. *Перекрытие морских торговых путей.* В 2024 г. действия хуситов в Красном море и Баб-эль-Мандебском проливе привели к тому, что судоходство там

⁹ URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/08/2024/66ba08b99a7947bc6483fc9>

¹⁰ URL: <https://www.rbc.ru/society/18/11/2024/673b4a109a7947637be77c0a?ysclid=m4bi6oplwe428930601>

постепенно сворачивается¹¹. Хуситы находятся под патронажем Ирана, с которым Россия сотрудничает по многим направлениям, поэтому нет никаких противопоказаний для того, чтобы снабдить их современным оружием для более эффективных действий в акватории и полной парализации мировой торговли в данном регионе. Недовольство этим фактом способно стать сигналом к пересмотру Америкой и странами Евросоюза своей позиции по Украине. К сказанному можно добавить, что иногда в Красном море случаются аварии. Так, в 2021 г. танкер «Ever Green» сел на мель и перекрыл Суэцкий канал, и работы по его разблокированию стоили 9,6 млрд долл. в день; в 2022 г. аналогичная пробка возникла по вине танкера «Affinity V», а в 2023 г. ситуация повторилась из-за сухогруза «Xin Hai Tong»¹². Подобные заторы могут быть легко воспроизведены искусственно, и у России есть для этого все возможности. Умелое чередование действий хуситов и «дружественных» танкеров способно на длительное время заблокировать важнейший торговый маршрут.

3. *Удары по центрам принятия решений на Украине.* Еще одним допустимым инструментом сдерживания агрессивного настроения американского истеблишмента и его союзников могут стать сокрушительные удары по точкам принятия решений на Украине с акцентом на нанесение максимального ущерба иностранным советникам и военнослужащим. Не исключено, что России придется нанести удар по территории одной из стран НАТО, откуда поставляется вооружение для Украины. Разумеется, подобное вызовет массовый протест, но в целом подействует отрезвляюще на политические элиты Запада.

4. *Полный запрет поставок стратегического сырья в недружественные страны.* Еще одна лакуна, которая является потенциально болезненной зоной для США, — импорт из России стратегических товаров. Например, и в 2022, и в 2023 гг. мы по-прежнему активно поставляли Америке жемчуг, драгоценные камни, монеты, минеральные удобрения и топливо, масла, продукты дистилляции, металлы платиновой группы, алюминий и уран¹³,

тем самым оказывая услугу ее энергетике и электронике в момент активной фазы СВО. В 2024 г. РФ ввела ограничения на экспорт обогащенного урана в Соединенные Штаты, но сделала исключения для поставок по разовым лицензиям, выданным Федеральной службой по техническому и экспортному контролю¹⁴. Возможно, определенный экономический смысл в подобных решениях есть, но они явно противоречат режиму военного противостояния и уменьшают ущерб, наносимый Соединенным Штатам, поэтому они не отреагируют ни на какие сигналы.

5. *Экспроприация активов иностранных компаний на территории России.* Хотя процесс покупки уходящих от нас иностранных компаний продолжался еще в 2024 г., он представляется излишне либеральным. С 2022 г. сделки по продаже российских активов компаний, принадлежащих резидентам недружественных стран, нельзя проводить без одобрения правительственной комиссии, а стоимость актива определяется в ходе независимой оценки. В 2024 г. минимальный дисконт, который иностранные владельцы должны предоставить российским покупателям, увеличился с 50 до 60%, а размер «добровольного взноса» в бюджет — с 15 до 35% от рыночной стоимости актива. Хотя такие меры уменьшают нагрузку местного бизнеса, этого явно недостаточно в сложившихся условиях. Например, ушедшая от нас в 2024 г. французская компания Danone продала свой бизнес российской компании «Вамин Р» за 17,7 млрд руб. при его оценке примерно в 80 млрд руб., т.е. в 4,5 раза дешевле рыночной стоимости¹⁵. Однако ничто не мешает России осуществить полное изъятие подобных активов — в противном случае акции по перекупке выглядят как проявление слабости и урезают инвестиционные ресурсы отечественных предпринимателей, которые могли бы пойти на развитие местной экономики.

6. *Разработка бизнес-предложений для США при ликвидации конфликта.* Как было сказано выше, меры по повышению чувствительности американского истеблишмента должны включать не только прямой ущерб, но и возможные бонусы. Это тема отдельных исследований, но уже сейчас можно обозначить такое направление, как освоение Арктики в сотрудничестве с США. Например, по имеющимся

¹¹ URL.: https://www.ng.ru/world/2024-01-16/1_8923_redsea.html

¹² URL: <https://oilcapital.ru/news/2023-05-25/v-suetskom-kanale-vnov-chp-2937680>

¹³ URL: https://tsargrad.tv/articles/russkij-uran-dlja-ukrainskih-snarjadov-vskrylas-neprikladnaja-tajna-torgovli-s-ssha-2_857662?utm_referrer=https%3a%2f%2fya.ru%2f

¹⁴ URL: <https://vz.ru/economy/2024/11/16/1298314.html?ysclid=m4bkfrfxna538161307>

¹⁵ URL: <https://journal.tinkoff.ru/news/foreign-business-sale/?ysclid=m52d3zi9om936178046>

оценкам, грузопоток по Северному морскому пути с 2010 по 2024 г. должен возрасти в 80 раз — с 1-го до 80 млн тонн¹⁶. При этом на Арктику претендуют не только Россия и США, но и Китай, что позволяет нам играть на грамотном разведении интересов партнеров. Так, можно предложить американцам бонусы: квоты на проход через Северный морской путь, доступ к северным российским портам, допуск американского капитала в отдельные арктические проекты и т.п. Это для них достаточно серьезный повод, чтобы отказаться от поддержки Украины в пользу стратегически важного экономического направления.

Не развивая данную тему, подчеркнем, что смысл всех предлагаемых действий состоит хотя бы в частичном переносе ущерба, ощущаемого Россией, на активы Запада, и в первую очередь США. В противном случае Америка не только не отступится от своих претензий касательно Украины, но и будет продолжать поднимать ставки, что может привести к катастрофической развязке.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В заключение хотелось бы остановиться на степени востребованности выдвинутых предложений. Дело в том, что в настоящий момент в научной литературе активно обсуждается феномен прекращения гегемонии США и его последствия. Так, традиционным является мнение о том, что период геополитической монополии США заканчивается и начинается эра олигополии, проявляющейся в усиливающемся могуществе Китая и организации БРИКС (которая, по имеющимся оценкам, к концу 2030-х гг. займет первое место в G20), а также концепции афроцентризма, взятой многими странами (например, ЮАР) на вооружение в качестве теоретической основы в стремлении к своей деколонизации [11]. В связи с этим некоторые полагают, что внешняя политика США при администрации Трампа в его первый срок («доктрина Трампа») представляла собой отказ Америки от глобального лидерства в пользу реакционного популизма [12].

Некоторые аналитики, наоборот, на примере Аргентины доказывают, что Трамп, вопреки расхожему мнению, не ослабил гегемонию США в Латинской Америке, а усилил ее, опираясь на инструменты традиционной американской «долларовой дипломатии» [13]. Другие исследователи указывают, что

идущая на смену либеральному империализму так называемая «реальная политика» провоцирует войны чужими руками, не создавая при этом дополнительных институтов, практик и норм для смягчения их последствий, и это может стать новым источником международного беспорядка [14]. Развивая данную идею, ведущие политологи указывают на неспособность сменяющих друг друга администраций Трампа и Байдена отказаться от установки на главенство США, что привело к ситуации «доминирования без гегемонии», в которой Америка играет все более дисфункциональную роль — в своей внешней политике она перешла от режима «законной защиты» в середине XX в. к режиму «защитного ржета» в начале XXI в. [15].

В литературе отмечается, что существуют три варианта для того, чтобы США смогли сохранить свою гегемонию: 1) оборонительный протекционизм; 2) фрагментация международной системы; 3) запуск новой волны инноваций («омоложение»). Но, поскольку Китай демонстрирует способность и готовность стать технологическим лидером, третье из названных направлений оказывается сомнительным, продуцируя переход к двум первым вариантам, а это чревато войной за владение технологиями и контроль над ними [16]. Однако некоторые авторы, напротив, акцентируют внимание на ошибках Китая, связанных со стремлением к первенству, пугающему его соседей, тогда как у США остается в активе опыт создания обширных сетей влияния [17].

Отмеченные тенденции и факторы перестройки мирохозяйственной системы создают положительный фон для более активных действий России в противостоянии на Украине. Например, существует мнение, что главной причиной резкого ухудшения отношений между Москвой и Вашингтоном стала новая роль России в решении важнейших мировых проблем, создавшая основу для эффективного стратегического торга [18]. Хотя в отдельных публикациях отмечается, что в последнее десятилетие конфронтации между США и Россией действия последней носили вынужденный, ответный характер на недружественные выпады гегемона [19]. То есть подчеркивается утрата нашей страной стратегической инициативы в начавшемся столкновении.

Вместе с тем имеются предпосылки для активного торга России и Америки. Например, некоторые специалисты считают, что Арктика — зона стратегических интересов всех государств, и разрыв связей с РФ за полярным кругом для США и стран НАТО не оправдан и не только увеличивает веро-

¹⁶ URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8679505?ysclid=m4bljliwbu471021957>

ятность эскалации геополитического конфликта, но и препятствует прогрессу в области предотвращения изменения климата [20]. Как полагают российские аналитики, проект Северного морского пути, наоборот, мог бы стать мощным стимулом для российско-американского экономического сотрудничества¹⁷. Вместе с тем китайский специалист Го Фэнли справедливо замечает, что конфликт на Украине — это часть давно подготовленной гибридной войны, цель которой состоит в сохранении гегемонии США, и пока она не будет достигнута, противник не позволит России легко «сорваться с крючка», что является ключевым фактором продолжения противостояния и повышения ставок [21]. Есть предположение, что нынешние события — прямое продолжение холодной войны, которая сразу перешла в новую стадию [22]. В то же самое время аналитики подчеркивают, что Россия и США оказались в одной цивилизационной лодке — они теряют и будут продолжать терять свой относительный вес в мировой экономике и политике¹⁸.

В одной из работ совершенно справедливо отмечается, что способом возвращения США к исторической норме поведения выступает увеличение внешнеполитических издержек страны и удорожание американской империи. Однако такая мера устрашения, как подача последнего предупредительного сигнала в форме осуществления наземного взрыва сверхкрупного ядерного боеприпаса (более 50 Мт), представляется неоправданной [1]. Взрыв на территории России (например, на Малой Земле) нанесет урон только ей, но, опять-таки, никак не затронет США — фактически это будет холостой, но очень дорогой выстрел с сугубо демонстрационными целями.

Все перечисленные факторы свидетельствуют о том, что, как Россия, так и США, находятся в крайне ненадежной ситуации, которая будет еще больше усугубляться взаимным противостоянием. В этой связи осознание явного и болезненного ущерба, который может быть нанесен США в случае продолжения конфликта на Украине на фоне возможных выгод от его завершения, могло бы послужить серьезным мотивом к отказу американского истеблишмента от игры на повышение.

¹⁷ Отношения Россия — США после «перезагрузки»: на пути к новой повестке дня. Взгляд из России. Доклад российских участников Рабочей группы по будущему российско-американских отношений. М.: Валдай; 2011. 48 с.

¹⁸ Там же.

ВЫВОДЫ

Рассмотрение ситуации в военно-стратегическом противостоянии США и России позволило наметить важные тезисы, от которых целесообразно отталкиваться в современном политическом анализе. В первую очередь это понимание истоков утраты Западом страха перед термоядерным армагеддоном, который может случиться при потере контроля над ситуацией на Украине. Это связано с уникальным в истории человеческой цивилизации феноменом *двойственности положения* России после 1991 г., когда ее властные элиты, с одной стороны, оказались под контролем Запада, а с другой — их размытость и неопределенность содержали в себе способность «восстать» и восстановить политический суверенитет страны с опорой на военно-стратегический потенциал, включая ядерный арсенал. Данная ситуация породила еще одно уникальное явление — *неопределенность «красных линий»* во внешней политике России, когда они либо не озвучивались, либо постоянно отодвигались. И хотя наша страна начала менять свою политику в этом отношении, Запад уже привык к ее избыточной осторожности и не слышит новых сигналов.

Отсутствие гибкости у Америки в ответ на заявления и действия России во многом связаны с ее ментальной моделью глобального доминирования, которая включает четыре элемента: презумпцию богоизбранности американского государства, доктрину непримиримости, стратегию тотальности и синдром отказа от неприемлемых издержек. Эффект неделимости власти накладывается на указанную модель и усугубляет нечувствительность американского истеблишмента к эскалации напряженности на Украине.

Одновременно с этим администрация США в своей тактике использует два своеобразных завещания Джона Даллеса: доктрину «балансирования на грани» и доктрину «сносной цены». Так как до настоящего времени Россия не создала никакого ощутимого ущерба для Штатов, то и отказываться от этих политических установок американским властям не имеет смысла. Вместе с тем приход к власти в США в 2025 г. Дональда Трампа означает укрепление принципов плутократии в системе государственного управления и создает условия для сделки по Украине, для чего необходимо осуществить действия по нанесению неприемлемого урона для Америки.

Для этого предлагаются такие меры, как: частичное разрушение мировой инфраструктуры;

перекрытие морских торговых путей; удары по центрам принятия решений на Украине; полный запрет поставок стратегического сырья в недружественные страны; экспроприация активов иностранных компаний из недружественных стран на территории России; разработка бизнес-предложений для США при ликвидации конфликта. Данные меры должно осуществлять Правительство РФ с опорой на имеющийся в его арсенале аппарат государственного управления. Желательно, чтобы все основные мероприятия были проведены

до конца 2025 г. и начали давать результаты уже в течение указанного срока. Не вдаваясь в подробности, можно утверждать, что верховные власти страны обладают необходимыми для этого силами, ресурсами и средствами, однако их использование предполагает генерирование креативных и во многом нестандартных управленческих решений. Проведение же перечисленных акций позволит отойти от односторонних ударов по России и создать более благоприятный фон для конструктивных переговоров.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тренин Д., Авакянц С., Караганов С. От сдерживания к устрашению. М.: Молодая гвардия; 2024. 152 с.
2. Балацкий Е. В. Американская модель глобального доминирования. *Terra Economicus*. 2024;22(2):6–31. DOI: 10.18522/2073–6606–2024–22–2–96–113
3. Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд. Пер. с англ. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ; 2010. 240 с.
4. Млечин Л. Главный разведчик страны мог стать президентом. Карьера Евгения Примакова. М.: Аргументы недели; 2021. 304 с.
5. Лукьянович Н. В., Сильвестров С. Н. Стратегия не прямых действий во внешней политике США. *Мир новой экономики*. 2023;17(3):18–31. DOI: 10.26794/2220–6469–2023–17–3–18–31
6. Турчин П. В. Конец времен. М.: АСТ; 2024. 432 с.
7. Балацкий Е. В. Ядерный апокалипсис пока откладывается. Капитал страны. 17.10.2024. URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/yadernyi_apokalipsis_poka_otkladyvaetsya/?ysclid=m48rn8ixh3859171059
8. Уилсон Э. Планета муравьев. Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн; 2022. 211 с.
9. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М.: Дело; 2015. 535 с.
10. Балацкий Е. В. Россия в эпицентре геополитической турбулентности: гибридная война цивилизаций. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022;15(6):52–78. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.3
11. Rapanyane M. B. The new world [dis] order in the complexity of multi-polarity: United States of America's hegemonic decline and the configuration of new power patterns. *Journal of Public Affairs*. 2021;21(1):e2114. DOI: 10.1002/pa.2114
12. Yom S. US foreign policy in the Middle East: The logic of hegemonic retreat. *Global Policy*. 2020;11(1):75–83. DOI: 10.1111/1758–5899.12777
13. Rowley J. Business as usual? Donald Trump and US hegemony through the lens of dollar diplomacy in Argentina. *Latin American Policy*. 2023;14(2):217–230. DOI: 10.1111/lamp.12297
14. McKeil A. The limits of realism after liberal hegemony. *Journal of Global Security Studies*. 2022;7(1):1–11. DOI: 10.1093/jogss/ogab020
15. Payne C. R., Silver B. J. Domination without hegemony and the limits of US world power. In: Young K. A., Schwartz M., Lachmann R., eds. *Trump and the deeper crisis*. Bingley: Emerald Publishing Limited; 2022:159–177. (Political Power and Social Theory. Vol. 39). DOI: 10.1108/S 0198–871920220000039009
16. Schutte G. R. The challenge to US hegemony and the “Gilpin dilemma”. *Revista Brasileira de Política Internacional*. 2021;64(1): e004. DOI: 10.1590/0034–7329202100104
17. Foot R. China's rise and US hegemony: Renegotiating hegemonic order in East Asia? *International Politics*. 2020;57(1):150–165. DOI: 10.1057/s41311–019–00189–5
18. Тонких В. А., Кондратенко Л. И. Россия — США: от холодного мира к холодной войне. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*. 2021;(1):86–91.
19. Косов А. П. Политика России в отношении США в период третьего президентства В. В. Путина: от «перезагрузки» к новой конфронтации. *Журнал международного права и международных отношений*. 2022;(3–4):28–36. DOI: 10.33581/2072–0513–2022–3–4–28–36
20. Селезнев П. С. Арктика как новая зона противостояния России и НАТО. *Экономические науки*. 2024;(233):487–495. DOI: 10.14451/1.233.487

21. Го Ф. Гибридная война США и их союзников против России в контексте специальной военной операции. *Гражданин. Выборы. Власть*. 2023;(2):146–155.
22. Хорошев А.А., Беспалько Г.Н. «Холодная война»: политическое мышление и практика противостояния двух мировых систем. *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2022;12(7):2629–2636. DOI: 10.35775/PSI.2022.88.7.032

REFERENCES

1. Trenin D., Avakyan S., Karaganov S. From deterrence to intimidation. Moscow: Molodaya gvardiya; 2024. 152 p. (In Russ.).
2. Balatsky E. The American model of global dominance. *Terra Economicus*. 2024;22(2):96–113 (In Russ.). DOI: 10.18522/2073–6606–2024–22–2–96–113
3. Lukes S. Power: A radical view. London: Palgrave Macmillan; 2005. 192 p. (Russ. ed.: Lukes S. Vlast': Radikal'nyi vzglyad. Moscow: HSE Publ.; 2010. 240 p.).
4. Mlechin L. The country's top intelligence officer could have become president: The career of Evgeny Primakov. Moscow: Argumenty nedeli; 2021. 304 p. (In Russ.).
5. Lukyanovich N.V., Silvestrov S.N. The strategy of indirect approach in the U.S. foreign policy. *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*. 2023;17(3):18–31. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220–6469–2023–17–3–18–31
6. Turchin P.V. The end of times. Moscow: AST; 2024. 432 p. (In Russ.).
7. Balatsky E.V. Nuclear apocalypse is postponed for now. Kapital strany. Oct. 17, 2024. URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/yadernyi_apokalipsis_poka_otkladyvaetsya/?ysclid=m48rn8ixh3859171059 (In Russ.).
8. Wilson E.O. Tales from the ant world. New York, NY: Liveright Publishing Corp.; 2020. 240 p. (Russ. ed.: Wilson E. Planeta murav'ev. Moscow: Alpina Non-Fiction; 2022. 211 p.).
9. Gershenkron A. Economic backwardness in historical perspective. Moscow: Delo; 2015. 535 p. (In Russ.).
10. Balatsky E.V. Russia in the epicenter of geopolitical turbulence: The hybrid war of civilizations. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022;15(6):52–78. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.3 (In Russ.: *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2022;15(6):52–78. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.3).
11. Rapanyane M.B. The new world [dis] order in the complexity of multi-polarity: United States of America's hegemonic decline and the configuration of new power patterns. *Journal of Public Affairs*. 2021;21(1): e2114. DOI: 10.1002/pa.2114
12. Yom S. US foreign policy in the Middle East: The logic of hegemonic retreat. *Global Policy*. 2020;11(1):75–83. DOI: 10.1111/1758–5899.12777
13. Rowley J. Business as usual? Donald Trump and US hegemony through the lens of dollar diplomacy in Argentina. *Latin American Policy*. 2023;14(2):217–230. DOI: 10.1111/lamp.12297
14. McKeil A. The limits of realism after liberal hegemony. *Journal of Global Security Studies*. 2022;7(1):1–11. DOI: 10.1093/jogss/ogab020
15. Payne C.R., Silver B.J. Domination without hegemony and the limits of US world power. In: Young K.A., Schwartz M., Lachmann R., eds. Trump and the deeper crisis. Bingley: Emerald Publishing Limited; 2022:159–177. (Political Power and Social Theory. Vol. 39). DOI: 10.1108/S 0198–871920220000039009
16. Schutte G.R. The challenge to US hegemony and the “Gilpin dilemma”. *Revista Brasileira de Política Internacional*. 2021;64(1): e004. DOI: 10.1590/0034–7329202100104
17. Foot R. China's rise and US hegemony: Renegotiating hegemonic order in East Asia? *International Politics*. 2020;57(1):150–165. DOI: 10.1057/s41311–019–00189–5
18. Tonkikh V.A., Kondratenko L.I. Russia — U.S.A.: From cold peace to cold war. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya = Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*. 2021;(1):86–91. (In Russ.).
19. Kosov A.P. Russia's policy towards the United States during Vladimir Putin's third presidency: From “reset” to a new confrontation. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii = Journal of International Law and International Relations*. 2022;(3–4):28–36. (In Russ.). DOI: 10.33581/2072–0513–2022–3–4–28–36
20. Seleznev P.S. The Arctic as a new zone of confrontation between Russia and NATO. *Ekonomicheskie nauki = Economic Sciences*. 2024;(233):487–495. (In Russ.). DOI: 10.14451/1.233.487

21. Go F. Hybrid war of the United States and its allies against Russia in the context of the special military operation. *Grazhdanin. Vyborny. Vlast' = Citizen. Elections. Authority*. 2023;(2):146–155. (In Russ.).
22. Khoroshev A.A., Bepalko G.N. “Cold war”: Political thinking and practice of confrontation between two world systems. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii = Issues of National and Federative Relations*. 2022;12(7):2629–2636. (In Russ.). DOI: 10.35775/PSI.2022.88.7.032

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Евгений Всеволодович Балацкий — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) имени Е. М. Примакова РАН, Москва, Российская Федерация

Evgeny V. Balatsky — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

<http://orcid.org/0000-0002-3371-2229>

evbalatsky@inbox.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.01.2025; после рецензирования 03.03.2025; принята к публикации 12.03.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.01.2025; revised on 03.03.2025 and accepted for publication on 12.03.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.